

Влада Вознесенская

СТИХИ и глава из поэмы:

"ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ"

Бессонница

Рыдали буксиры у белью сведенных мостов.
 Стучались в железную дверь сумасшедшего дома.
 Сушились знамена у старых потухших костров,
 и дачи сдавались в зеленых предместьях Содома.

Стыл невский мазут, а в Фонтанке сиял керосин.
 Но щедрые звезды равно улыбались обоим.
 А в маленькой комнатке дождик грибной моросил
 и нежная пlesenь доверчиво жалась к обоям.

У старой русалки аквариум все же протек,
 и в адресной книге на память ее засушили.
 Кусты подрезали. Пускались они наутек.
 Но утром их снова на старое место пришли.

Но вот рассветает. Восходит спасательный круг.
 Проснулись соседи. Будильник-кузнецик стрекочет.
 Я вам оставляю подробную запись, мой друг,
 всего лишь одной, преведенной в бессоннице ночи.

Д • м Р о г о ж и н а

По Гороховой машины мчатся с грохотом.
Тишину лишь во дворах она таит.
Между нашими домами на Гороховой
особняк Рогожина стоит.

Черноглазая пророчица-советчица!
Все толкуешь, все толкаешь? Посмотри,
как в глазах моих двузначный номер вертится -
Тридцать три. Голгофа, 33.

Я вышагиваю с мрачным вызовом;
тридцать три? Христовы годы? Что за бред!
Я иду. Из темных окон под карнизами
Кто-то долго-долго смотрит вслед.

На 19 января 1977 года

"Жила-была старушка
в зеленых башмаках..."
Татьяна Гнедич

Был славный город Пушкин
с дворцами в облаках,
а в нем жила старушка
в зеленых башмаках.

Ни славы не имела,
ни денег под замком,
жила себе и пела
старинным языком.

И шли к старушке этой
на чай и на поклон
бездомные поэты
со всех семи сторон.

И всех она с ладони
кормила, как грачат,
сладчайшими словами
Кастальского ручья.

А становясь взрослея
и выбирая путь,
мы в царские аллеи
ленились заглянуть.

Но так же простодушно,
от славы в двух шагах,
жила без нас старушка
в зеленых башмаках.

Когда ж она устала
и тихо умерла -
ни Пушкина не стало,
ни Царского Села.

Полюбил ты разлуку
горячее любви.
На дорожную муку
благослови!

Как боишься нечаянно
ты меня удержать...
Но качается маятник,
и пора уезжать.

Пожелай же пространства
моим синим очам,
одиссеевым странствий
моим хрупким плечам.

Наши предки - варяги,
а не грек Менелай:
пожелай же отваги,
а любви не желай...

Черных вишенок горстка,
словно яд на устах.
Тяжелей перекрестка
не бывает креста.

Поручи меня Богу -
без него не снести!
Ты меня на дорогу
перекрести.

Накажи меня строго, Господь! - Без расплаты нельзя научиться читать в облаках пустоту и истому.

Небо - только дорога, по которой уходят друзья,
небо - только дорога, по которой уходят из дому.

В облаках я читаю, в этих белых Господних кудрях.
В облаках я читаю - выходит, не встретимся боле.
Накажи меня, Боже, другим разлученным на страх -
человечьему сердцу не вынести этакой боли.

Тишина в вышине и не стукнуло в небе окно,
и никто не ответил. И снова, как в вымеженном поле,
я стою на сиротской земле; мне осталось одно:
пережить эту боль в ожидании завтрашней боли.

Любимый мой! Вы слышите, звенят
литые листья кленов по аллеям.
Мы с матушкой цветы не поливаем
который день. Туман ушел в зенит,
и на горе я больше не колдую,
не надеваю пестрого плаща...

Любимый мой! Все вышло как-то так -
любовь пришла, но дома не застала.
Вот над письмом рука моя застыла,
а белый лист - как ледяной каток,
и белал зима неподалеку...
Осталось только написать "Прощай".

Ночная бабочка придет из темноты,
китайским веером помашет надо мною,
и я усну, и мне приснишься ты
и назовешь меня своей женой.

Велишь мне платье длинное надеть
и в руки взять цветы и в новом доме,
где половицы, словно мед и медь,
пройтись по комнате, чтоб ты меня запомнил.

Ты сядешь рисовать мои цветы,
а я напротив с книжкой устроюсь
и задремлю, и мне приснишься ты
и назовешь меня своей сестрой.

И нам с тобою в новом этом сне
плеснет в глаза цветок неотвратимый,
и наша кровь на каменной стене
смешается, как в чаше побратимов.

Я Божий гром услышу с высоты
и выпущу плечо родного брата,
и упаду, и мне приснишься ты
и назовешь меня своей утратой.

Ты мне глаза закроешь и лицо
и на рукахнесешь меня обратно,
и разомкнется рук твоих кольцо —
ни мужа, ни любимого, ни брата.

Тень бабочки умрет на потолке,
отравленная насмерть желтым светом,
и я усну с душой налегке
на полчаса, без снов, перед рассветом.

Мой друг, уже почти неслышный!
Такая странная звезда
уснула на тюремной крыше,
что кажется - дышли потише
и вновь все станет, как тогда.

Легко в разлуке постоянство
и несгораемы мосты.
Я пробегаю, словно в танце,
все это узкое пространство
от отраженья до звезды.

Звезда лежит на мокрой крыше -
светоугольник озорной.
Озерным ветром память дышит,
душа озарена и слышит
дыхание души другой.

У Т Р О

Г л а в а из поэмы
"День благодаренья"

Еще спала. А дождь уже стучал
по всем листам в саду и в изголовье,
по тем словам, что за ночь искололи,
и влажный воздух свежесть источал.

Еще спала. А дождь уже во сне
напоминал велеречивой кодой,
что нынче день, дарованный природой
одной лишь мне и только по весне.

Пора проснуться, чтобы не проспать
святого дня, когда душа-голубке
не примерять намеренной улыбки
и оттого еще добре стать.

Когда не пыль смывает, а пыльцу
вода с прозрачных клеточек растений,
и милый сад еще не стал степенней
от завязей, и все ему к лицу.

Мой сад! Зеленоглазая душа!
С рождения ты был со мною рядом,
Тогда еще не нареченный садом,
Не шелестая словом, не дыша.

Для рук моих и каждый твой цветок,
и дерево, и плод его осенний,
и камышинка в каменном бассейне,
и винограда юркий завиток.

Когда я забывала свой причал,
твоя листва седела и редела,
но, верности не ведая предела,
ты, как больной любовник, все прощал.

С какою легкостью слетал последний лист,
оранжевый, горячечный, осенний —
как будто бы он верил в воскресенье,
как будто это был его каприз!

С каким смиреньем смертная трава
клонила стебли в сентябре ненастном
и молча билась под февральским настом,
и верила, что я была права.

Племен зеленокожих пленный вождь!
Ты гибнешь на заснеженной арене
и воскресаешь в День благодаренья,
чтобы со мною встретить первый дождь.

И для меня бывает раз в году,
что станет вдруг весенняя погода
водораздельным занавесом года,
и сквозь него я в новый день войду.

Благодарю не осень за плоды
и за древесное ее прозренье —
нет! у меня свой День благодаренья,
весеннего Явления Воды.

Другим моей грозы не разгадать —
они твердят: "На улице так мерзко!"
Согласна, если речь идет о Невском,
не о садах, где Божья Благодать

стекает с листвьев каплями росы,
где Облака спускаются с Деревьев
и долго-долго бродят по деревне,
отведавшей Причастия Грозы.

Становится язычицей Вода,
но, обретя язык, восславит Бога
Единого. Но есть на свете многое
других Богов — и все придут сюда.

И громом их приход не омрачен -
ведь это Ангел молодой, играя,
нечаянно разбил оконко рая
своим веселым озорным мячом.

Зевесов Дождь шумит в завесах Роць -
Данае золотое подаянье,
Но воздается Небу по деяньям -
Земля Туманом возвращает Дождь.

А он все ближе дышит на Цветы,
и раскрываются Цветы в истоме...
И все Любовь в огромном Божьем Доме -
и лишь размыты Божества черты.

Так, приходя ко мне издалека
по золотой Ириновской Дороге,
сольются все религии и Боги
в одном бокале - в Чашечке Цветка!

Ириновка, 74г.